

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ

И опять в этом мире зелёном,
Разгораясь кострами цветов,
Купина полыхает по склонам
Раскалённых июньских холмов.

Смутный облак дрожит над кустами,
Спичку брось – и взлетит, как фантом,
Синегато-спиртовое пламя,
Обдавая эфирным дымком.

И в мгновенном сухом полыханье
Станет ясен во всей простоте
Древний миф об огне мироздания,
Заключённом в нетленном кусте, –

О туманном дыхании мира,
Восходящем живою волной,
Где и сам ты – лишь выдох эфира
Над горящей его купиной.

...Сонным зноем пропитано лето,
И с его раскалённого дна
Отраженьем всевышнего света
Выкипает, клубясь, купина.

* * *

Душа хотела б быть звездой...
Ф. Тютчев

Когда мечи заменим на орала,
Очистим мир и дух переведём,
Увидим мы, что очередь настала
Неспешно поразмыслить об ином:

О горестной душе о человеческой,
Ещё вчера в нелепой суете
Метавшейся пред вечностью безвечной,
Как бы в последнем полузабытьи;

О разуме, бессильном перед волей
Почти самоубийственных идей;
О пагубе тотальных суесловий, –
И снова о душе, душе своей,

Которая над бездной ледяною
Мечтала с обессиленной тоской
Звездой быть, звездой быть, звездой,
Звездой над измученной землёй.

Дождись меня, река моя, дождись,
 Дождитесь, соловьиные дожди,
 Цветов и трав искрящийся поток
 Под радугой дугою на восток.
 Дождись меня, костёр мой вековой,
 С дымком над розовеющей водой,
 Где всплесками далёкий пережат
 Зовёт меня, как много лет назад, –
 Где чибисы оплакивают день,
 Где с гор стекает зубчатая тень,
 Где тайну для меня приберегла
 Вечерняя синеющая мгла...
 Дождись меня, далёкая звезда,
 Заветный свет навек и навсегда,
 Полночная звезда моя, зажгись,
 Дождись меня,
 дождись меня,
 дождись...

ИВОЛГА

Где-то вдали или в юности где-то,
 Там, где живая томится душа,
 Иволга тихо окликнула лето,
 Май встрепенулся, дождями шурша.

Где это, что это, как не забылось,
 Как удалось, затаившись, сберечь
 Этих дождей морозящую сырость,
 Этой реки хлопотливую речь?

Как удалось не утратить надежду
 Вновь и навеки вернуться душой
 К дальней тропе, пробредаящей между
 Явью и снами в пыли золотой? –

К миру, где дождь шелестит, пролетая,
 Вереск цветёт и в тумане речном
 В дальней дали, не смолкая, вызывая,
 Иволга тихо свистит о былом.

* * *

Два русских века выделены знаково
 На тусклом фоне времени жестокого:
 Один – дневною бабочкой Аксакова,
 Другой – полночным бражником Набокова.

Две бабочки, два знака, два столетия,
 Они б сочлись, как два полубезумия,
 Когда б меж ними символом бессмертия
 Не взмыл осенний шмель Ивана Бунина...

...Проснуться вдруг, ещё не понимая,
 Что ты проснулся там, в минувшем сне:
 Светло, открыт балкон и солнце мая
 Узор листвы качает на стене.

Из мастерской кедровой терпкий запах
 Взывает к верстаку... И верный пёс
 Давно уже стоит на задних лапах,
 К хозяину приблизив чуткий нос...

На тумбочке лежит открытый Пушкин,
 С подчёркнутым «с порядком дружен ум»...
 По комнате разбросаны игрушки,
 И слышен из окна трамвайный шум.

В вольере встрепенулся кенар... Скоро
 Дом зажурчит, пронизанный насквозь
 Высокой трелью... Шевельнулись шторы,
 И детский голос «Па-па!» произнёс.

Пора вставать...
 Ах, только б на мгновенье
 Продлить тот сон, – пока блуждает мысль
 Вдали от горькой правды пробужденья...
 Забудь, не просыпайся, обманись.

У ОЗЕРА

Ни мечты, ни любви, ни покоя,
 Вся судьба – этот берег скупой...
 Что там шепчет берёза листвою?
 Что там озеро плещет волной?

Что там ведомо небу и листьям,
 Этой дымке в мерцающем дне?
 Сколько тайн и неведомых истин
 Заповедано нам в вышине?..

Это озеро скоро замёрзнет,
 Берега свои выбелив сплошь.
 И до звона промёрзшим берёзам
 Здесь опять станет жить невтерпёж...

Может, это и будет той тайной,
 Мне нашёптанной лёгкой листвою,
 Той, о чём так легко и печально
 Плещет озеро светлой волной,

О судьбе, как всевечной юдоли,
 И о мудрости – знать и терпеть,
 Даже в остром предчувствии боли,
 Побеждающим холод и смерть...

* * *

Сестре Людмиле

Наверное, можно быть где-то счастливее,
Но стал нам судьбой или роком, бог весть,
Тот город, та Двадцать вторая линия,
Дом двадцать шесть.

Он плыл, словно странный Ковчег
неприкаянный,
Дом юности нашей, сквозь годы туда,
Где тлела во тьме неудач и отчаяний
Наша звезда.

Она трепетала лучами неясными,
Зависнув над чёрною пропастью лет...
Но мама слепыми глазами прекрасными
Видела свет.

Тот свет, что хранил нас святыми молитвами
И вывел к иным берегам, очагам,
Где вот уже прошлое снами забытыми
Кажется нам.

...Звезда дотлевет сгорая, и тающий
Наш век остаётся лишь только для нас,
Для наших стихов, для подруг и товарищей,
Век – невелик.

Где тихо уходят по снежному крошеву
Сквозь сад наш безгрешный, грешны
и хмельны,

Друзья и подруги по веку, по прошлому –
В последние сны...

* * *

На Мстинской улице моей летят метели,
И сквозь метельное безвременье глядят
Две церкви древние, две ветхие скудели –
Никита Мученик и Фёдор Стратилат.

Безумен снег, смятенна ночь, но и в смятенье
Святая стража эта страждет до конца:
Никита Мученик в мучительном терпенье,
Воитель Фёдор – с твёрдой стойкостью бойца.

Не бойся ночи, не сдавайся, обессилев, –
В пустом безвременье не спят, ещё хранят
На Мстинской улице моей мою Россию
Никита Мученик и Фёдор Стратилат.

СОФИЯ

...пять земель, две тьмы, море;
мудрый разумеет...

*Сакральная надпись
на полях Апостола 1307 г.,
определяющая Премудрость Божью*

Когда восходит солнце над Софией
И вспыхивает купол золотой,
Я знаю, этот свет над всей Россией
Незримой растекается волной.

В нём смысл и вековечная дорога
Спасения, ниспосланного нам...
София, Эйн-Софа, Премудрость Бога,
Создавшая себе всесветлый храм, –

Храм, где свершает волю Слово Божье,
Природе придавая смысл живой.
Восходит солнце, и сквозь бездорожье
Нам виден древний путь наш вековой:

Пять глав Пятиземелья – счёт познания,
Древнейшей сути пройденный урок,
Две тьмы по сторонам Тропы Троянской,
Апсидами текущей на Восток.

...Колокола дробят тревогу Часа,
Безвременье застыло в маете, –
Но надо всем – священный купол Спаса,
Крест золотой и голубь на кресте.